

светлана **Тончаренко**
Женский детектив

**ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ
С ПОКОЙНИКОМ**

И крики неслышны
на снежной не вьюге,
и от луны краснелаось
наполкала тонкая дымка,
Рядом из плоти валелась
тучка.

КЕФИР
Сибирского

The image is a promotional poster for a television show. It features a woman with blonde hair, wearing a red coat and sunglasses, sitting on a white and red kefir container. The background is dark with some light effects. The text is in Russian, including the name of the show and a short poem.

Светлана Георгиевна Гончаренко
Зимний пейзаж с покойником

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=585225
Зимний пейзаж с покойником: Центрполиграф; М.:; 2010
ISBN 978-5-227-02152-6

Аннотация

На даче богача Еськова бурно отмечали католическое Рождество. Внезапно веселье было прервано резким женским воплем. В спальне горничная обнаружила мертвого хозяина с огнестрельной раной. Основания убить его были у многих. Следовательно, по прозвищу Железный Стас, опрашивает всех присутствующих и внезапно среди мастеров, украшавших хоромы Еськова, встречает старого друга, Николая Самоварова. Вместе они безошибочно вычисляют убийцу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Светлана Гончаренко

Зимний пейзаж с покойником

Глава 1

По паркету босиком

23 декабря. 16.10. Окрестности поселка Суржево.

Снег пошел сразу, как только съемочная группа выехала из города. Колючая мелочь быстро превратилась в сырые хлопья. Они падали все гуще, шлепаясь с размаху о ветровое стекло.

– Экая красота! – ерзал Можжин на переднем сиденье. – Останови-ка, Витек, на минутку, я снимаю немного. Классный снег! И для клипа сгодится, и синоптикам суну в прогноз. Да стоп же! Тормози, пока свет не ушел!

Он схватил камеру и выбрался из теплого нутра студийной машины. Картинка того стоила: громадные черные ели Суржевского леса, все в снегу, казались ненастоящими, бархатными. Тихо слетали с небес белые хлопья.

– Прямо как в новогоднем мультике! – радовался Можжин.

Сразу за лесом начинался элитный поселок Суржево. Он походил на дорогую декорацию: особняки с башенками, мансардами и разноцветными окнами картинно лепились к пологой горе. Селение сказочных гномов, да и только!

Снег все падал и падал. Снимая это чудо, Можжин стонал от удовольствия. Шофер Витек терпеливо держал над ним оранжевый дамский зонтик.

Пока шла съемка, бард Игорь Стрекавин скучал на заднем сиденье. Его поэтическая душа всегда чутко откликалась на снегопады, грозы, дожди, сосульки и прочую метеорологическую чепуху. Он много об этом пел. Но выходить из теплого салона, чтоб полюбоваться природой, не желал, как ни уговаривал его Можжин.

– У нас впереди работа, надо внутренне собраться, – отнекивался бард.

– Тоже мне нашел работу! Ерунды минут на десять, – кричал заводной Можжин. – Ты посмотри, какая благодать!

Съемку Можжин закончил быстро и теперь просто скакал вдоль дороги, пытаюсь поймать открытым ртом самые крупные хлопья. Несколько раз он пробовал вытащить из машины барда и заставить делать то же самое. Угомонился он лишь тогда, когда извлял в снегу шофера Витька.

Витек ничуть не обиделся. На студии Нет-ТВ Димона Можжина все очень любили за креативность и веселый нрав. А еще у него всюду было полно не просто знакомых, а старых и проверенных корешей. Эти кореша пускали его с камерой всюду, в самые заповедные места. Однажды он даже снял личную дачу губернатора и губернаторскую собаку, скребущую лапой в дизайнерской клумбе.

Вообще-то на Нет-ТВ Дмитрий Можжин значился оператором. Но в последнее время он все чаще снимал собственные сюжеты как режиссер. Например, для новогодней программы он уже изготовил клипы местных музыкантов – рэп-группы «Кук» и фолк-певицы Анны Верболозовой. Теперь он занимался Стрекавиным.

Работал Димон в молниеносном темпе. Особенно мысль его была быстра. Всего лишь час назад Игорь Стрекавин зашел на студию и поинтересовался сценарием своего клипа.

– Какой сценарий? – радостно воскликнул Можжин, жесткой ладонью запихивая барда в дверь машины, где уже сидел Витек. – У меня давно все в голове!

– Что именно? – недоверчиво спросил бард.

– Говорю же, все! Это будет улетный клип: сначала ты идешь по Марксистской, потом грустишь под фонарем, потом сидишь на скамейке возле мыловаренного завода.

– Почему возле мыловаренного? – возмутился бард. – Там на заборе такое понаписано!

– Зато там сугробы никогда не убирают. Ты и куча снегу – это же чистая лирика. Забор в кадр не попадет, не бойсь. А еще мы гламурчику тебе подпустим: в Суржево съездим. У меня там живет друган, и я с ним как раз на сегодня договорился. Побродишь у него по вилле – вроде бы ты тоскующий олигарх. Пипл это любит! Кстати, лестница там как в Эрмитаже. Пройдешься и по ней!

– Моя песня по атмосфере совсем иная, – засомневался Стрекавин. – Боюсь, вилла будет неуместна.

– Вилла уместна всегда! Я на днях туда заезжал пивка попить и мигом смекнул: классный интерьерчик для клипа. Только вот не знал, кого туда взять: пацаны-рэперы слишком корявые, еще нагадят где-нибудь, Верболозова – корова в сарафане. А ты у нас парень интеллигентный, лирик, руки моешь. Так что тебя и запустим – будешь там грустить на пуфике. Десять минут работы!

В тот день Стрекавин видел Димона впервые и не собирался быть с ним на «ты». Но держать дистанцию было поздно: с первой же минуты Можжин без всяких разрешений стал громко хлопать барда по спине, угощать семечками и вспоминать какое-то мифическое совместно выпитое. Спустя полчаса Игорь Петрович почти поверил, что Димонова физиономия, помятая, но моложавая, мелькала перед ним всю жизнь.

Димон был настоящим русским человеком с широкой душой: он медленно запрягал, зато быстро ездил. В тот день его запрягание выдалось особенно тягучим. Стрекавин даже не предполагал, что так трудно добраться до Суржева в бежевой машине, на боку которой написано «Студийная». Обычный рейсовый автобус тратил на этот путь ровно двадцать пять минут.

Поначалу и у съемочной группы все шло как по маслу: машина практически подкатила к месту съемок. Она остановилась в лесу на окраине поселка. Там-то Димон и снял пару лирических этюдов со снегопадом.

Затем бежевая машина от Суржева стала почему-то быстро удаляться. Ее занесло в какую-то автомастерскую, где что-то в ней меняли и чистили. Из-за этого Димон со Стрекавиным часа два торчали в автопредбаннике, беседуя об искусстве. Немудрено, что Можжин проголодался. Когда Суржевская гора с ее сказочными домиками вновь замаячила за ветровым стеклом, он подбил Витька сделать крюк и перекусить в придорожном заведении «Камелек». Стрекавин есть не хотел. Он с тревогой поглядывал в окно: Суржево от них снова удалялось, а день мерк на глазах.

До «Камелька» ехали битых полтора часа. Но прославилась эта харчевня не зря: пиццу там подали такую огромную и сытную, что после нее Стрекавин заснул в машине как убитый. Он открыл глаза, лишь когда Можжин больно стукнул его по плечу.

– Подъезжаем! – радостно сообщил Димон.

Барду показалось, что уже утро. Об этом говорили ультрамариновые сумерки и блаженный звон в ушах. Но скоро стало ясно: это предыдущий вечер еще не кончился. Перед сонным Игорем Петровичем в очередной раз возникла Суржевская гора со своими домиками. Она неумолимо приближалась. Димон молчал. Кажется, он больше не мог придумать, куда еще можно заехать.

23 декабря. 22.10. Суржево. Улица Лесная.

Издаലെка строения в Суржеве выглядели игрушечными, гномьими. Однако вблизи оказалось, что они годятся скорее для великанов. Во всяком случае, жилище друга Можжина

подавляло масштабами. Было оно о трех этажах, а Можжин уверял, что есть еще и два подземных. Наверное, потому, что уже стемнело, а снегопад усилился, выглядел этот огромный дом настоящим замком. Его крыша таяла в мутных небесах, а башенки, балконы и эркеры трудно было пересчитать.

Громадностью поражал не только сам дом. В глубине пустого двора орудовал лопатой кто-то неестественно могучий. Даже собака жила тут такая большая, что Игорь Петрович сначала принял ее за взрослого медведя.

– Эй, Арья, мы уже тут, – весело гаркнул в мобильник Можжин.

Студийная машина в это время парковалась рядом с тремя иномарками напротив кованых ворот – достойных Вестминстера, как подумалось барду. Впрочем, Игорь Петрович никакого Вестминстера сроду не видал. Может, там все помельче, поскромнее?

Скоро по дорожке от замка к воротам за прыгала тонконогая фигурка олигарха. Можжин вышел из машины и радостно поприветствовал друга, стукнув кулаком по его щедеушной спине.

– В гостиной, где мы с тобой пиво пили, сегодня снимать не получится, – сообщил в ответ олигарх. – Занято! Наши завтра уезжают в Австрию, а сегодня затеяли маленькое пати. Но ничего, мы наверху устроимся, в будуаре – там еще круче. Если вы ненадолго, никто возбухать не станет.

Игорь Петрович погрузился. Он понял, что приятель Можжина вовсе не хозяин дома, а какая-то мелкая сошка. Их группу в замке, возможно, не только не ждут, но еще и вон попросят. Как глупо!

Можжин так не думал. Он продолжал приветливо колотить друга по спине и топтать к крыльцу. Стрекавин с гитарой плелся сзади. Витек остался дремать в машине. Он был настоящий профессионал: спал в любое время суток глубоко и помногу. Именно его всегда брали на съемки официальных мероприятий, которые длились бесконечно. Витек был надежен и терпелив, как верблюды. Он не рвался хлебнуть пивка или сгонять куда-нибудь по своей надобности – он просто отсыпался в машине до мигрени и провалов в памяти.

Войти в замок великанов оказалось непросто. Когда Стрекавин переступал порог, что-то сильно толкнуло его сзади. Бард чуть не рухнул на четвереньки. Странная тень мелькнула рядом, огромная, как и все в этом доме.

– Мамай, подлец! – взвизгнул приятель Димона и вцепился в ускользящую тень тощими пальцами.

Тень детски захныкала и остановилась.

– Серега, сюда! – крикнул ловец тени. – Мамай снова в дом залез! Быстрее, я его держу!

Со двора на крыльцо взбежал плечистый парень в валенках – тот самый, наверное, что чистил снег. Он ловко перехватил добычу можжинского друга и не без усилий выволок ее на свежий воздух. Добычей оказалась гигантская лохматая овчарка с непомерно крупной безухой головой и дьявольским огнем в глазах. Именно ее Игорь Петрович видел во дворе и в сумерках посчитал ручным медведем.

– Куда тебя на х... несет! – сипло ворчал Серега, спихивая овчарку со ступенек. – ... дел бы себе на дворе. Погода-то ох...ная!

Овчарка упиралась, скребла когтями по ступенькам и не желала наслаждаться погодой.

* * *

23 декабря. 22.20. Суржево. Дом Еськовых. Холл и будуар.

Холл замка был пуст, сумрачен и просторен. Паркет сиял так, что казалось, кругом налили воды.

– Тихо тут у вас, как в ухе. Деревня! – одобрительно заметил Можжин.

Бард Стрекавин только пожал плечами: на его вкус, в холле было довольно шумно. В одной из ближних комнат слышалась музыка. Там галдели, хохотали и даже пробовали подпевать хору Турецкого. Оттуда же по глади паркета тянулась длинная дорожка света. Кипела жизнь и на верхних этажах замка – там слушали рэп, хихикали и что-то роняли.

– Католическое Рождество на носу, так что все в сборе, веселятся, – пояснил Арик.

Димон удивился:

– А кто это у вас католик?

– Да никто. Это понты такие.

Арик подвел гостей к высокой вешалке. Ее рога-крючки угрюмо торчали во все стороны. Можжин повесил свою куртку на рог (чтоб до него дотянуться, пришлось подпрыгнуть) и споро разулся. Стрекавин совсем загрустил.

– Давай, бард, скидывай боты – и вперед, – подбодрил его Можжин.

– Что же, я буду сниматься босым? – удивился Игорь Петрович.

Он вспомнил, что сегодня на пятке левого носка у него обнаружилась дырка, а заменить не пришлось – все запасы были еще дырявее.

– Ты не Мадонна, ножки твои в кадр не попадут, – пообещал Димон. – Не бойсь! У тебя такое интеллигентное лицо, что ниже пояса никто и смотреть не захочет.

Стрекавин разулся и, зажав гитару под мышкой, побрел вслед за Можжиным к лестнице. Ступнями, особенно сквозь дыру в носке, он чувствовал ледяную гладкость паркета. Этот холод казался почему-то оскорбительным. Бард насупился. Съёмки клипа, которые еще недавно он считал подарком судьбы и дорогой к славе, стали противны. Лучше б не ездили они с Можжиным дальше мыловаренного завода!

Какая-то женщина вдруг истошно расхохоталась в комнате, где справляли католическое Рождество. Настроение у Игоря Петровича испортилось вконец. Он как раз проходил мимо этой комнаты и видел, что за приоткрытой дверью что-то движется и блестит. Там был праздник. Там танцевали ча-ча-ча, там мигала огоньками наряженная елка, там звякали вилки и неясно рокотала беседа. В глубине комнаты колыхалось что-то большое, ярко-розовое. Женские ноги, не босые, а, наоборот, в остроносых черных туфлях на шпильках, сплетясь, тянулись с дивана. Игорь Петрович, сколько ни старался, ничего больше в дверную щель увидеть не смог. Интересно, чьи они, эти ноги, такие стройные?

Внутри комнаты кто-то прошел мимо двери и на миг заслониł приметные ноги. Стрекавин так внимательно их разглядывал, что даже не понял, мужчина прошел или женщина. Нет, все-таки мужчина. Крупный мужчина в светлом костюме...

Лишь потом – так бывает! – когда Стрекавин уже отвернулся и ступил зябкой ногой на дубовую лестницу, он вдруг увидел человека, который мелькнул за дверью. Очень ясно увидел. Отпе чаталась, оказывается, в сознании Игоря Петровича и круглая щека, и очки, и ухмылка, и трехдневная золотая борода, этакая щегольски-раздолбайская...

Как? Неужели?.. Не может быть!

– Чей это дом? – шепотом спросил бард, нагоняя Можжина на лестнице.

Димон ответить не успел: в дверях комнаты, где ели и шумели, возник темный силуэт. Женский голос строго спросил:

– Арик, это ты? Снова твои друзья? Снова будут совать бычки под скатерти?

Арик отозвался с лестницы:

– Это телевидение, тетя Галь! Мы только на полчаса. Не думайте, я с дядей Сашей договорился – он разрешил. Здесь только бард и режиссер. Они обещали не курить, а Соснихина я больше не приглашаю.

– Они разулись? – грозно осведомилась тетя Галя.

– Конечно, – заверил Арик.

Стрекавин засопел, а Можжин протянул в сторону суровой дамы ногу в полосатом носке. Для убедительности он даже пошевелил пальцами. Это даме не понравилось.

– Надо было еще бахилы надеть, – буркнула она.

– Мы ж все-таки не в морге, тетя Галя, – заметил Арик. – Это телевидение!

– Полчаса, не более. Ничего там не замажьте! – предупредила дама и скрылась в веселом шуме.

Димон опустил ногу и стукнул барда по спине.

– Это дом Александра Еськова, суперзвезды в мире йогуртов и маргаринов, – весело прошептал он. – «Сибмасло» – слышал про такую фирму? То-то же! Нехило дядя живет, а?

Стрекавин застрял на ступеньке. Но в следующую минуту он взял себя в руки и продолжил подъем по лестнице, достойной, как считалось, Эрмитажа.

«Да, это судьба! – думал бард. – Такие совпадения случайными не бывают. Значит, это он. Конечно, я узнал его почти сразу! Это его гадкая рыжая морда и его хоромы... Вот и встретились! Интересно, он письмо получил? Догадался, о ком речь? Наверняка догадался. Что ж, тем лучше! Поглядим теперь, что будет...»

Он так ждал того, что будет (в дурном предчувствии сердце прыгало, как заводное), что перестал волноваться насчет съемок и грядущей славы.

Друг Можжина привел съемочную группу в комнату, где сладко пахло состоятельной женщиной. Все здесь было белым с позолотой. Имелся даже небольшой белый рояль, похожий на ванну.

Игорь Петрович рояль проигнорировал. Он расчехлил свою гитару и встал у окна.

– Бедром вперед! – потребовал Димон, глядя в экранчик камеры.

Игорь Петрович выпятил бедро и затянул, стараясь попадать губами в собственное магнитофонное пение:

Я не помню, когда был тот случай —
Может, только что, может, давно.
Помню вечер промозглый, колючий,
И горящее в доме окно.
Все вокруг сыровато и глухо,
Дребезжит проржавевший карниз.
Неизбежна сегодня разлука,
Снова жизнь устремляется вниз.
Я на дождик теперь ноль вниманья —
Ни на что и глаза не глядят.
По законам естествознания
Ждать осталось минут двадцать пять...¹

Пел он легко, несмотря на Димонову камеру и на то, что Арик, не мигая, глядел барду прямо в рот. Вдобавок совсем рядом, в соседней комнате, кто-то упорно возился. Еще бубнил там голос известного черного рэпера, кто-то встречал невпопад по-русски, и тихо, чувственно взвизгивала женщина. Съемка клипа шла под фонограмму. Стрекавин мог не обращать внимания на посторонние шумы. Он хладнокровно шевелил губами и изредка щурился.

– Отлично! – одобрил его Димон. – Знаешь, ты мне поначалу очень зажатым показался. Но ты, Игорь, молоток! Только улыбайся посексуальнее, побольше зубов кажи. Зубы-то в порядке?

¹ Песни Игоря Стрекавина сочинены Сергеем Алексеенко-мл.

– В порядке, – обиделся Игорь Петрович.
– Ну вот, пусть и зритель это как следует прочувствует. Помотай-ка головой, вроде бы тебе грустно... Класс! Теперь ложись на диван.
– Прямо с гитарой?
– А тут есть еще с кем? Ложись, ложись! Да не на живот, а наоборот. Класс!
Арик, увидев, что бард полез на белоснежный с позолотой диван, забеспокоился.
– Стойте, вы обивку запачкаете! – вскрикнул он. – Я сейчас что-нибудь подстелю. Береженого бог бережет.
Он порылся в комодке и нашел зеленое полотенце для ног. Игорь Петрович лег на полотенце и снова запел:

Нам осталась одна остановка
На трамвае, не помню каком.
С крыши голубь взлетает неловко,
Да буянят коты под окном.
Эх, сказать бы тебе все, что хочется, —
Слов горяч расписной каравай!
Гром колес наконец-то доносится:
Это едет последний трамвай.
По проспекту несется, безумец,
Ошалелый вечерний рогач,
Как Нептунов, искрится трезубец
И летит, как саврасовский грач...

«Он не знает, что я здесь. Это хорошо, – думал бард, перебирая струны; пел он автоматически – как-никак в этом году его популярнейшему творению про трамвай стукнул двадцатник. – Но что он сделает, когда увидит меня здесь? И когда узнает, что Ульяна?... Сказать ему сразу все, как есть, или помучить?»

Еще полчаса назад он никого мучить не собирался, но теперь самые дикие желания и планы забродили в его мозгу. Даже Можжин почувствовал это.

– Ага, глаз горит! – шумно радовался творец клипа.

Он приближал фокус камеры к лицу Стрекавина так, чтоб видны были лишь блестящие глаза барда и золотой завиток дивана.

Затем он потребовал:

– Ну-ка, Игорь, приподнимись! Еще, еще! Прижмись щекой к той вон шелковой хрени!

Игорь Петрович прижался и почувствовал, что бдительный Арик успел подложить на подушку бумажную салфетку. Он открыл рот, чтобы запеть, но тут же зажмурился: особняк производителя маргаринов основательно трянуло. Окна озарились слепящим огнем. Через секунду огонь стал редеть, меркнуть и рассыпаться розовыми искрами.

– Это Санька дурит, сынок Еськова, – пояснил Арик. – Пироман хренов! Как он дома, так у нас фейерверк.

– Такого сына я бы порол не переставая, – заметил Можжин. – Но плевать – мы профессионалы, работаем в любых условиях. Давай пой, Игорь!

И Игорь пел.

– Молодца! – веселился Можжин. – Теперь только на лестнице пару-тройку секунд доснимем – и по коням!

– Может, пивка? – предложил Арик. – У меня, а?

– Это само собой!

Для съемки на лестнице Арик включил люстру – целую грудку лампочек, обвешанную хрустальными слезами. Теперь можно было как следует разглядеть холл. Оказывается, крупные, в облаках и березках, пейзажи красовались тут на стенах. Сам Арик тоже стал гораздо виднее со своей кудрявой шевелюрой и пронзительными карими глазками.

Бард ударил по струнам. Ступая с достоинством, то есть не афишируя рваную пятку, он громко запел:

Мы сейчас с ветерком откатаем
Наш последний совместный маршрут,
А потом разойдемся, растаем —
Только ангелы нас помянут!

Он очень хотел, чтоб его слышали в комнате с елкой. Он желал, чтобы оттуда высыпали те, кто там сидит, – все эти девочки с тонкими ножками на шпильках, все эти любители побренчать вилками у сильных мира сего. Пусть выйдет и сварливая дама, отмерившая творцам клипа полчаса, и *он* тоже пусть выйдет, ничего не подозревая. И вот тогда...

Как ни старался Игорь Петрович, никто из веселящихся – уважаемых, беспечных, не босых, но в туфлях и ботинках – не вышел. Никто не отозвался! Наверное, хозяева и гости просто не расслышали слабого голоса барда: в комнате имелась собственная музыка, к тому же компания шумела, а под окнами взрывались петарды.

– Теперь ко мне пошли! Под ноги только глядите, лестница крутая, – предупредил Арик и быстро потушил люстру.

После яркого света не видно было ни зги, но Можжин с Ариком стали ловко спускаться куда-то вниз, в адские потемки.

Игорь Петрович заартачился:

– Я не хочу пива. Нет, нет, и водки тоже не буду! Я тут, в холле посижу.

– Игорь, не дури! – крикнул из темноты Димон. – Я же знаю, ты без водки часа не живешь. Что с тобой? Зашился, что ли? Или закодировался?

Ничего подобного Игорь Петрович не делал. И пил он умеренно. Можжин все врал!

Раздраженный бард плюхнулся на банкетку у вешалки.

– Я подожду вас тут, – сказал он и ухватился за края банкетки руками, чтоб Димон из самых хороших побуждений не потащил его куда-нибудь насильно. – Мне тут одна хорошая мысль в голову пришла. Наверное, родится песня. Надо не упустить настроения!

Можжин такому нелепому объяснению не поверил – он сам был творцом, но никогда при этом не нуждался в уединении и от пива никогда не отказывался.

Зато Арик посмотрел на Игоря Петровича с пониманием.

– Бывает, – сказал он. – У нас сейчас Самоваров Николай Алексеевич бильярдную делает. Тоже большой мастер, только по дереву – может, слышали? Вот и он никакого общения не выносит, когда работает. Большой чудак! Все творческие люди не вполне адекватны, по себе знаю. Тем более тут песня, а не деревяшки.

Можжин только фыркнул:

– Черт с тобой, Игорь! Сиди тут, кукуй, как дурак. Но если передумаешь, мы снова тебя не позовем!

Друзья спустились в подвальные глубины, а Стрекавин остался один. Его глаза быстро привыкли к полутьме. Он с любопытством разглядывал просторы холла и считал выходящие сюда двери. Их было целых семь. Правда, при дотошном рассмотрении самая большая дверь оказалась камином.

Холл Игорь Петрович нашел каким-то недоделанным, пустоватым, хотя все предметы тут были очень крупные, добротные, дорогие. Резная вешалка уходила под самый потолок –

куртки съёмочной группы, сиротливо висящие на ней, казались жалкими, детскими (хозяйские гости, похоже, разделись где-то в другом месте). Напольные часы в углу походили на шифоньер. Они тикали громко, как в микрофон. Банкетка, на которой сидел Стрекавин, смогла бы приютить на ночлег двоих, а то и троих.

Внезапно сбоку, в густой тени, Игорю Петровичу почудилось что-то темное, громадное и страшное. Бард похолодел. Чем дальше он всматривался, тем крупнее и безобразнее казалось ему это нечто. Он собрался с духом и встал. Войдя в сумрак, он с удивлением нашупал жесткошерстное медвежье чучело с вытянутыми вперед лапами. К когтю одной из лап неловко прицепилась вязаная шапочка, на другой лапе висел зонтик.

«Пошлость какая», – подумал бард.

Ему было досадно, что он струхнул. Он вернулся на банкетку и притаился в тени вешалки. Множество неясных звуков большого дома достигало его музыкального уха. Он даже различал проникающий откуда-то снизу беспечный хохот Можжина и хлопанье его дружеской руки по спине Арика. Что еще было слышно? На вечеринке с елкой царила дискотека 80-х и нетрезвые остроты, во дворе пару раз глубоким басом рывкнул Мамай. Петарды хлопали все реже. На верхнем этаже что-то непристойно-мерно скрипело, и рэп не пресекался ни на минуту.

Игорь Петрович помахал рукой перед носом, отгоняя эти докучные звуки, как мух. Ему надо было сосредоточиться и обдумать свои действия. Еськов не знает, что он здесь, – это хорошо. Стало быть, возможен эффект разорвавшейся бомбы. Никто сейчас ничего не видит и не подозревает... Зато он всех слышит и видит! Он выберет момент и выйдет из своего укрытия, но пока просто слышит и видит...

23 декабря. 22.30. Суржево. Дом Еськовых. Бильярдная.

Можжин не соврал – в особняке в самом деле имелось целых два подземных этажа. Оттуда даже в такой поздний час слышались голоса и стук молотка. Где именно, в каком помещении стучали, определить было трудно. Зато заблудиться тут было легко! Кроме жизненно необходимых сауны, прачечной и чуланов под землей располагались всякие хозяйские причуды – малая столовая для послебанных пиров, диванная для послебанной неги, бильярдная и даже кальянная.

Дом Еськовы построили недавно и еще не до конца отделили. Некоторые комнаты были готовы и обжиты, другие стояли пустые, даже без штукатурки, а в некоторых вовсю шла работа. Верхние спальни и гостиные густо сияли позолотой в угоду хозяйке. Зато подвальные хоромы отвечали вкусам самого Еськова.

Вкусы эти были странны и противоречивы. Но изменять им Александр Григорьевич не мог и не хотел, потому что все они были, как и положено, из детства. Так, Еськов очень любил суровый нетесаный камень и кованые фонари. В его доме то тут, то там попадались стены серого гранита, из которых торчали ржавые крюки и пугающие казематные цепи. Несколько грубых валунов возлежали на газонах у гаража (правда, сейчас их занесло снегом, и в глаза они не бросались).

Все эти brutальные штуки выплыли напрямик из еськовского подсознания – малышом он, сын партийных работников, часто отдыхал с родителями на Рижском взморье. Хотя в окрестностях Нетска полно собственных сосновых боров и песку, а летняя Неть куда теплей и приветливей вод Рижского залива, местная элита с ума сходила по Юрмале. Да и весь Советский Союз поголовно сходил с ума точно так же! Почему-то чудилось тогда в прибалтийской блеклости что-то заграничное, нездешнее. Надолго вошли в моду суровое Средневековье, органная музыка, крупные кулоны из янтарей и Банионис с Будрайтисом.

Балтийские валуны Еськов обожал до сих пор. Он требовал сочетать их с восточной роскошью – ведь именно он был одним из пионеров русской Анталы. И побольше живо-

писи! Живопись Александр Григорьевич тоже полюбил в детстве, когда дверь в дверь жил с известным нетским художником Валиковым. Мастерская Валикова была этажом выше, в мансарде. Маленький Саша, соскучившись над уроками, часто туда сбегал. Валиков угощал соседа чаем черным, как тушь. Больше двух глотков этого чая Саша сделать не мог, зато часами наблюдал, как Валиков с поразительной быстротой изготавливает громадные пейзажи с пашнями, березками и грядами бетонно-серых облаков.

Подобные картины и теперь Еськов скупал и развешивал всюду в доме. Они одни могли не затеряться на необъятной шире этих стен.

– Еськовский фьюжн! – так именовал стиль дома декоратор Тошик Супрун, который трудился над здешними интерьерами.

Сейчас шли к концу работы в бильярдной. Художники обещали закончить ее к Новому году, потому вечеровали. Хозяин решил, что у него в бильярдной будут резные готические панели, марокканский шатер над диваном и росписи, как в Помпеях. Таков уж был Еськов – он хотел иметь все сразу.

Дубовые панели он заказал лучшему в городе мастеру Самоварову, по совместительству музейному реставратору и известному коллекционеру.

В тот день Самоваров как раз крепил свои шедевры к еськовским стенам. Он был не в духе. Ему не нравилось, что под ногами все время вертится Тошик со своим шатром. Да и живописец Алявдин, старый академист, скандалист и выпивоха, был не лучше – именно сегодня он домазывал свои Помпеи.

Самоваров слыл человеком справедливым. Он признавал, что Алявдин отлично имитирует древность акрилом по корявой штукатурке. Зато неопрятность и вечное курение живописца бесили: в будущей бильярдной дух стоял, как в теплушке гастарбайтеров. Всюду попадались под руку самодельные пепельницы, которые Алявдин ловко мастерил из обрезков ватмана. Пепельницы то и дело переворачивались и сыпали вонючей трухой. Разноцветные брызги акрила и раздавленные алявдинские бычки оскверняли мраморный пол.

– Не курил бы ты здесь, Георгий Степанович, – предупреждал живописца Самоваров. – Устроишь пожар – вовек не расплатишься.

– Хозяева вас просто уруют, – поддакнул и дизайнер Тошик.

Этой осенью Тошик бросил художественный институт, так как был нарасхват на телевидении и у частных заказчиков. Ему недавно исполнилось двадцать два, но на вид можно было дать лет пятнадцать. Лицом он очень походил на старинного щекастого пупса с темными глазами, похожими на вишни.

Алявдин с дизайнером не церемонился.

– Молчи, Тошка, – сипло рявкнул он. – Я в свое время расписывал обком партии, казино «Рояль» и губернаторскую дачу. И нигде, заметь, не было никаких пожаров. Наоборот, меня везде ценили и наливали. И здешний хозяин меня ценит. Колька просто зануда! Он замшел в своем музее. Сам тоже не ангел – достал своим молотком. Целый день, как дятел, бум-бум-бум. Надоел!

Живописец отвернул красное лицо от товарищей и поправил толстой кистью локоть нимфы, играющей в бильярд (все помпейцы на его росписях были мастерами кия). Затем он закурил новую сигарету.

– Да не кипятись ты, Георгий Степанович! Сегодня все отмучаемся, – мирно напомнил Самоваров. – Завтра утром хозяева работу примут и уедут. Плохо только, что у нас тут вонь и бардак. Это изгадит впечатление.

– Какого черта? – вдруг взвился Алявдин. – Ненавижу авралы! Мы не совки. Коля, пойми:

все это нонсенс. Семейка Еськовых отбывает на целую неделю – ну и отлично. Ска-тертью дорожка! Без них мы бы все тихохонько к Новому году доделали. Так нет, вынь им да

положь сегодня! Убил бы! Вот скажи, какого черта несет их в Альпы – этого борова рыжего и его супругу, похожую на бревно в клипсах? Весь этот сброд будет кататься с Монблана. Зачем? Кому от этого легче? В чем смысл? Откуда это взялось?

Задохнувшись риторическими вопросами и сизым дымом скверной сигареты, Алявдин махнул рукой. Ему и самому курение в бильярдной опротивело. Он дымил больше со скуки и досады, потому что заканчивать работу в срок считал вульгарным. Вольная душа художника просила простора, проволоочек, каверз, скандалов. Ему хотелось бросить все на пару-тройку дней, предаться лени, выпивке, похмелью. После такой паузы он работал особенно вдумчиво и вдохновенно.

Сегодня вдохновение не приходило. Мешал и Самоваров со своей стукотней, и Тошик с тюком рыжей органзы. В мгновение ока из нее намотался, надулся, повис горячим облаком сказочный шатер – только золотые кисти осталось пришить. Даже Самоваров засмотрелся на Тошикову работу.

– Жулик ты, Тошка, – плюнул в сторону шатра академист Алявдин. – Это не искусство! Это профанация.

Сразу захотелось выпить. «Я здесь, если спросят», – объявил Алявдин и удалился – к охраннику Сереге, как понял Самоваров. Серега и Алявдин давно нашли общий язык. Они часто сживали вдвоем в охранницкой каморке, принимали по стаканчику и говорили без умолку. О чем? Ведь все мысли Алявдина были заняты только живописью и ее вырождением в прошлом и нынешнем веке. Вряд ли Серега волновался по тому же поводу.

– Я тоже, Николай Алексеевич, выйду на минутку, – сказал Тошик. – Санька «Шанхайский фонтан» поставил, а руки у него сами знаете откуда растут.

Он накинул куртку и убежал. Дизайнер по-детски любил фейерверки и время от времени разделял забавы хозяйского сына.

Оставшись один, Самоваров взялся за работу. Он увлекся и не сразу обратил внимание на протяжный женский крик, который несся откуда-то сверху. Крик как крик. Подумаешь! В особняке Еськовых часто бывает многолюдно и шумно.

Крик повторился, потом его перекрыли мужские вопли, неблагозвучные и панические. Только тогда Самоваров замер. Он перестал вгонять гвоздики в дерево и отложил молоток. Крики показались ему неприятно знакомыми. Так кричат, когда...

Неужели что-то случилось?

* * *

23 декабря. 23.06. Поселок Суржево. Дом Еськовых. Столовая.

– А теперь мой тост! – провозгласил Андрей Викторович Лундышев.

Он поднял бокал на уровень груди, порозовел. Смотрел он сейчас в какую-то не приметную точку на скатерти и хотел одного: поскорей отбарабанить этот дурацкий тост. Вернее, тост был как раз отличный, остроумный и подходящий к случаю, из книжки «Золотое слово тамады». Андрей Викторович зубрил его два вечера подряд, потом, пока ехал к Еськовым, еще и с диска прослушал в собственном исполнении раз сорок. Но ничего не помогало: тост то и дело выскакивал из памяти, как выскакивает из рук мокрый резиновый мячик.

Никак не давались Андрею Викторовичу всякие веселые штуки! Он обладал блестящими математическими способностями, зато выучить самый простой стишок или толково рассказать анекдот не мог. Вот и сейчас он стоял с бокалом в подрагивающей руке и волновался, как у школьной доски. Он даже шевелил губами, твердя про себя начало тоста: «Когда жизнь удалась и кажется нам полной чашей...»

– Сейчас будет приколы, и мы животики надорвем. Вперед! – подбодрила Андрея Викторовича Люба Ажгирей.

Она смеялась, заркинув голову. Лундышев знал, что смех этот означает ложь, насмешку и подначку. Он недовольно фыркнул.

Зато Галина Павловна Еськова веселилась от души.

– Жги, Андрюха! – требовала она.

– Как же жги, когда Александра Григорьевича нет? – заметила толстая бухгалтерша Никитина. – Надо его дожидаться!

– В самом деле, – удивилась хозяйка дома, – что-то давно его не видно. Куда он смылся? Вниз к художникам, что ли? Они, конечно, с бильярдной затаили, нагоняй им устроить надо, но не сейчас же... Саша!.. Да где же он? Или наверху заснул? С него станется, когда выпьет. Зина! Зина!!!

На зов явилась цветущая особа лет пятидесяти. Она была в светло-кофейном платье, белом фартуке с кружевцами и белой шапочке на макушке. Точь-в-точь так выглядят служанки в мексиканских сериалах. Даже волосы у Зины были мексикански-темные, а брови будто выведены углем.

– Зина, поди глянь, где Саша, – приказала Галина Павловна скрипучим голосом, каким требовала недавно, чтобы съемочная группа разулась; это был специальный голос для нижестоящих. – Он или в подвале, или в спальне. Позови его сюда, скажи, мы ждем.

В ответ Зина не проворковала «Слушаюсь» и не сделала реверанса. Она просто вышла в дверь.

Ее широкий зад выглядел много независимей ее мексиканского лица и кружавчиков.

Андрей Викторович поставил на стол бокал, из которого дважды капнул на скатерть. Как не капнуть, если то и дело отвлекаешься да бубнишь про себя эту муру! «Когда жизнь удалась и кажется...» Что именно кажется? Если так пойдет, тост и вовсе испарится из головы!

Разговоры смолкли. Сотрапезники, в меру хмельные, с сытыми улыбками глядели друг на друга. Над столом витало неясное предвкушение. Темным-темно было за окнами, мерцала и мигала елка, а музыкальный центр негромко заливался голосом Синатры.

Именно потому, что все, кроме Синатры, молчали, крик показался на редкость безобразным. Кричали наверху, на втором этаже. Почему? С какой стати? Кто вздумал? Зина не может так визжать!

Галина Павловна пожала плечами, кашлянула и забарабанила пальцами по столу. Крик не прекращался. Он обрастал новыми подголосками и звучал настолько дико в ухоженном, охраняемом, прочном доме, что не хотелось верить ушам.

Ничего не означал этот крик, кроме беды!

– Господи, – наконец выдохнула Галина Павловна и тяжело поднялась с кресла. – Что там такое?

Хозяйка и смущенные гости вышли в холл, уставились на пустую лестницу.

– Зина! – позвала Галина Павловна.

Никто не ответил, хотя крики продолжались.

Тогда Галина Павловна стала подниматься по лестнице.

Наверху, у дверей спальни, толпилось несколько человек – в полутьме экономных бра Галина Павловна не всех сразу узнала. Кажется, это гости сына? В спальню никто не лез, зато все кричали разнообразными, ненормально громкими голосами.

Галина Павловна пробралась к двери. Тут она увидела, что на пороге вверх чернобровым лицом лежит Зина. Это было странно. Никогда Галина Павловна не заставляла ее в подобной позе. Кажется, еще и глаза закрыты? Что с ней? Она в обмороке? С чего бы? И почему никто не побежал за нашатырем?

Галина Павловна вытянула шею и заглянула в спальню. Там на широкой кровати, прямо поверх белоснежного покрывала, лежал ее муж, Александр Григорьевич Есков. В

своим светлом костюме и золотистом галстуке он выглядел очень нарядным, но был неестественно тих. И криков никаких он слышать не мог: в его лбу красовалась маленькая темная дырочка. Рядом на ковре валялся пистолет. Небольшой блестящий пистолет.

– Боже, – тихо сказала Галина Павловна.

Не только потерять сознание, но даже огорчиться как следует она не смогла. Все, что она видела, было невозможно, неправдоподобно! Быть этого не может!

Все остальные, наверное, тоже не верили своим глазам. Поэтому они голосили кто во что горазд. Один Лундышев нашелся сразу. Он как раз подоспел к месту событий, сунулся в спальню и достал свой мобильник:

– Милиция?

Глава 2

Никель и перламутр

23 декабря. 22.25. Суржево. Дом Еськовых. Холл.

– Всем оставаться на своих местах! Здания никому не покидать, – распорядился следователь Рюхин.

Отвернувшись, он недовольно шепнул медэк-сперту Грушевой:

– Народу в доме, как семечек в дыне. Разумеется, никто ничего не видел и не слышал! Значит, возни на сто лет. Как там наш труп?

– Огнестрел, – равнодушно отозвалась Грушевая.

Она была опытной, морщинистой, невозмутимой. Рюхин пробовал быть таким же невозмутимым, но от этого только казался вялым. Он был молод. Его редко при первом знакомстве принимали всерьез.

– Самоубийство? – с надеждой предположил Рюхин.

Грушевая только махнула рукой:

– Куда там! Правда, выстрел был всего один. Стреляли в упор, чуть сверху – выходное отверстие в основании черепа. Сам таким образом руку не задерешь, потому как неудобно. Емельянов говорит: оружие сначала аккуратно вытерли, а потом пытались вложить в руку жертвы. Есть отпечатки, но смазанные и не те. Не держал убитый этого пистолета. Дилетантщина какая-то, глупость! Ищи-ка, Артем, хладнокровного дурака.

Рюхин понимал, что последние слова просто шутка. Однако он с надеждой оглядел собравшихся в холле. Были тут все Еськовы, а также их гости и домочадцы. Публика на вид очень приличная и мирная. Лишь рослый охранник, он же дворник, выглядит грозно и вооружен совком для снега. Зато лицо у него кроткое, милое, улыбчивое.

Гости, товарищи покойного по бизнесу, не улыбались. Они нервничали и дружно требовали адвокатов. Никто из них дураком не казался. Глупее прочих выглядел сын Еськова, упитанный парень, очень румяный, наверное недавно с мороза. Он грелся у камина, такого огромного, что в него спокойно могли бы въехать «жигули».

Рюхин пригляделся получше и понял, что огонь в камине искусственный. Надо же! А издали огоньки подмигивают очень убедительно. У камина переминались с ноги на ногу друг и подружка Еськова-младшего. Из документов они смогли показать только студенческие билеты. Оба хныкали и просились домой. Парень даже стал уверять, что они с девицей оба несовершеннолетние и надо доставить им не только адвокатов, но и родителей, и детских психологов. Рюхин ухом не повел на это нытье: студенты третьего курса юридической академии не бывают несовершеннолетними. Парень врал, конечно, с перепугу. Или не только?

Чем дальше, тем больше удивлялся Рюхин наглости убийцы: затеять этакое, когда в доме полно народу. Даже в подвальных этажах обнаружилась целая толпа!

Эта толпа тоже переместилась теперь в холл. Двое граждан из подвала держались вместе. Они представились друзьями Аристарха Жебелева. Рюхин уже знал, что Аристарх – племянник жены Еськова. Правда, племянник заявил, что эти двое никакие ему не друзья, а так, случайные знакомые. Кудрявый Аристарх постоянно проживал в доме, а вот знакомые приехали только сегодня вечером. Они снимали клип на песню «Последний трамвай».

Вилла Еськовых ничем трамвай не напоминала, поэтому Рюхин не поверил в рассказ про клип. Друзья Аристарха стали шумно обижаться. Один из них показал следователю профессиональную телекамеру, а у другого нашлась гитара в клеенчатом футляре. Вдобавок за воротами особняка в самом деле стояла бежевая машина, и на боку у нее была крупная надпись «Студийная». Внутри машины спал гражданин Виктор Ногтев. У него имелся паспорт,

водительские права и служебное удостоверение компании Нет-ТВ. Значит, съемки вполне могли проводиться. Смущало другое: никого из троих клипмейкеров никто в доме, кроме Жебелева, не знал. Почему они приехали именно сегодня? И при чем тут трамвай?

Вторая группа из подвала вызвала меньше вопросов. Это была бригада художников, которые оформляли бильярдную. Художников в доме знали хорошо, характеризовали тепло, что не мешало им тоже попасть в подозреваемые.

Однако больше всего беспокоила Рюхина вдова покойного. Он старался не вспоминать банальную истину, что мужей на дому чаще всего убивают жены, а жен мужья. Это была крайне вредная мысль! В начале дела следователь должен настроить себя на максимальную собранность и беспристрастность. И все-таки... Иногда – редко, крайне редко! – попадались Артему Рюхину фигуранты, которые с первой же минуты вызывали тяжелое чувство. И не потому даже, что были это самые подозрительные лица, нет! Необъяснимая антипатия, и все тут.

Почему это чувство всегда оказывалось взаимным?

Вот и сегодня повторилась знакомая история. Увидев Галину Павловну, Рюхин непроизвольно вздрогнул, нахмурил негустые брови, и его лицо стало кислым. Ему очень не понравилась госпожа Еськова.

Ответная реакция была молниеносной: Галина Павловна злобно впиалась в следователя небольшими глазками. Какого они цвета, при тусклом освещении определить было нельзя, однако Рюхин наперед знал – карие они, с зеленцой, змеиные.

Он собрался сказать что-то весомое, но его опередили.

– Сколько вам лет, молодой человек? – в лоб спросила Еськова.

Уже часа два она была вдовой, но не плакала, и голос ее не дрожал.

– Какое это имеет отношение... – начал было Рюхин.

– Нет уж, вы ответьте!

– Не буду, – уперся Рюхин. – Вопросы здесь задаю я.

Галина Павловна глядела на него в упор, как гипнотизер. Бедняга крепился, но начал таять. Из глубин его встревоженного подсознания одна за другой полезли химеры. Ужасные это были видения! Первой перед внутренним взором следователя возникла дворничиха, которой его пугали в детстве. Затем всплыла соседка, которая приписала ни в чем не повинному Артемке лужу в лифте и больно схватила за ухо лет пятнадцать назад. А еще учительница математики... Мед сестра со шприцем... Недавняя подследственная, уморившая тараканьим карандашом «Катюша» шестерых мужей... И героини страшных книжек...

«Ну да, она это, Хозяйка Медной горы!» – вдруг осенило следователя. Галина Павловна тоже была решительной белолицей брюнеткой. Ее волосы держались как-то дыбом, плечистая фигура напоминала монолит без всякой талии и прочих изгибов. В ушах сияли серьги – большие, сложной работы. Даже платье на ней оказалось не просто темно-зеленое, в змеиных разводах, но и состояло из чешуек – иначе почему оно так поблескивало? А еще ее высокие каблукы были сплошь осыпаны самоцветами. При случае такая вполне может превратиться в ящера!

Прогоняя наваждение, Рюхин тряхнул головой. Галина Павловна снова воспользовалась паузой.

– Зина, принеси телефон! – потребовала она.

– Вы, конечно, вправе сделать звонок адвокату... – снова начал Рюхин.

– Алло, Виталий Митрофанович? – уже говорила вдова в трубку, не сводя со следователя глаз и мерцая чешуями. – Да, это Еськова. У нас беда. Вы уже в курсе? Да, с Александром Григорьевичем. Спасибо. Да, я креплюсь. Но тут случилась возмутительная вещь: прислали опергруппу, и главный в ней какой-то мальчишка. Что он соображает? Я требую... Как ваша фамилия, молодой человек? Рюхин? Виталий Митрофанович, это некто Рюхин.

Он на хорошем счету? Толковый? Но у него такое глупое лицо! Я прошу, я вас умоляю, я требую... Учитывая особую общественную значимость... Да, я понимаю... Спасибо!

Галина Павловна отложила трубку и добила Рюхина взглядом с прищуром. Следовательно, конечно, знал, что Виталием Митрофановичем зовут главу областного УВД.

– Сейчас сюда прибудет самый лучший специалист, – объявила Хозяйка Медной горы. – Вы, молодой человек, можете пока угомониться и не мучить мою семью дурацкими вопросами.

Она зорко оглядела холл и отдала распоряжение сыну:

– Саша, мальчик, иди к себе, приляг! Постарайся заснуть. Я приму элениум, а Зине надо дать валидолу. То, что тут происходит, возмутительно!

– Закон для всех закон, – напомнил Рюхин.

– Без адвоката ни я, ни члены нашей семьи, ни наши друзья не скажут больше ни слова. Особенно вам! – отрезала Галина Павловна. – Можете побеседовать пока с друзьями Арика – не похоже, что они с телевидения. Я никогда раньше этих типов не видела, и доверия они мне не внушают. Например, в дырку в гитаре вполне можно спрятать пистолет.

Бард Стрекавин обиженно заерзал в своем углу.

Рюхин фыркнул:

– Чушь! А как же струны? Пистолет туда не влезет.

– Ну и что! У гитары можно заднюю стенку отодрать, – не сдавалась Галина Павловна, – а уж туда что угодно можно запихнуть.

– Я не вандал! – вскрикнул бард. – Мне моя гитара дороже всех ваших пистолетов.

Вдова Еськова презрительно усмехнулась:

– Вот сейчас приедет лучший специалист и разберется, кто тут вандал.

Спорить было бесполезно. Рюхин велел никому не покидать помещения. Чтоб охладить досаду, он вместе опером с Ляминым, охранником Еськовых Серегой и участковым отправился во двор.

Снег по-прежнему валил с небес. Он темным роем крутился вокруг фонаря, кротко таял на разгоряченных щеках следователя. Воздух пах настоящей хорошей зимой – свежо и нежно. Белели в потемках сугробы. Виллы поселка Суржево, рассыпанные по горе, светились редкими окнами и, как никогда, походили на игрушки.

– Надо осмотреть участок на предмет проникновения посторонних, – сказал Рюхин.

Два раза следственная группа, вкусно скрипя ботинками, обошла двор. Наконец остановились на площадке у гаражей.

– Я тогда как раз снег этот е...й скреб. Слышу – орут. Я скребу. Дизайнер, пацан этот, говорит мне: «Слышишь? Поубивали, наверное, гости друг друга на х... Вон как орут». Я пошел узнать. Такая вот х...ня, – сообщил дворник-охранник Серега.

В эти лаконичные фразы он целиком вместил трагедию сегодняшнего вечера. Следователь поморщился. Он строго попросил Серегу не употреблять больше ненормативных слов. Охранник кивнул крутолобой головой. Однако нехорошие слова и после запрета срывались с его языка. Даже, кажется, их становилось все больше и больше.

Оглядев участок Еськовых, обнесенный мощным забором, Серега вздохнул:

– П...ец! Снегу намело до х...! Б...ая погодка!..

Рюхину было не до лирики.

– Что вы, Иванов, делали сегодня вечером? Только поконкретнее. С двадцати двух до ноля часов? – спросил он.

Серега некоторое время думал. Наконец выяснилось, что он не свои действия вспоминал, а воображал, сколько же это будет – двадцать два часа?

– С десяти до двенадцати ночи, – уточнил Рюхин.

– Ага, понял! Снег на х... сгребал. Еще у себя грелся – замерз на х..., – отчеканил Серега. – Все снег этот е...ый!.. Со Степанычем я был, он подтвердит! Степаныч – это художник.

Даже там, где Серега разметал сугробы всего час назад, гладкие пространства подернулись порошей – снег шел не переставая. А вот следов постороннего вторжения не было. Только возле гаражей громадными своими валенками натоптал охранник. У стены он оставил метлу, а фанерную лопату для снега зачем-то взял с собой, когда побежал на крик в доме.

Группа сделала еще один круг по двору. На боковой дорожке, тоже расчищенной, нашлись узорные следы ботинок двух любителей фейерверков – хозяйского сына и дизайнера Супруна. Тут же из сугроба торчали горелые фитили петард.

Зафиксировали сыщики и внушительные следы Мамаю. Они были всюду. Самого Мамаю, чтоб он не мешал следственной работе, Серега запер в вольере. Странно крупная фигура, в темноте не похожая на собачью, металась за проволочной сеткой.

Лаял Мамаю оглушительно, будто в громкоговоритель.

– Скоро выпущу тебя на х...! Уймись, б..., дурашка! – ласково просил его Серега, но Мамаю не слушался.

– Пошли на участок, – скомандовал Рюхин.

Исследование нечищенных пространств за домом затрудняла высота сугробов. Рюхин как руководитель группы остался на дорожке. Он давал оттуда советы. Опер Лямин, сделав несколько шагов по снежной целине, завяз. Участковый продвинулся чуть дальше и долго шарил фонарем по девственным гладям снегов. Они стеклянно искрились. Стало ясно, что сегодня вечером никто не мог подкрасться с тыла к дому Еськовых – в глубоких, почти по грудь, сугробах он обязательно оставил бы заметную борозду. Однако никакой борозды, даже хитроумно засыпанной, нигде не было. Всяду снег лежал ровно, нарядно, крупитчато.

– Если б сюда кто-то на х... вперся, я бы знал, – заверил Серега. – На воротах у нас замок электронный стоит – б...ая конструкция, если что, воеет на все Суржево. Да и Мамаю чужих не пустит. Когда хозяева гостя встречают, он молчит на х..., а сам по себе кто полезет – порвет на портянки. Вон как на вас...енно лает. Не любит ментов!

Мамаю действительно лаял как заведенный. Из-за него никто не слышал, как к воротам подъехала машина и даже несколько раз просигналила. Между тем в этой машине сидел лучший в Нетской области специалист по убийствам.

Не дождавшись никакой реакции, лучший специалист вылез из машины. Он собственноручно стал давить на кнопку звонка у калитки. Следственная группа снова ничего не заметила, зато из дома высунулась кудрявая голова Арика.

– Серега! Оглох, что ли? – крикнул Арик, и Мамаю почтительно замолк. – Открывай ворота, следовательно новый приехал!

Скоро решетка калитки неохотно поползла в сторону. К крыльцу направился крепкий высокий мужчина. Шагал он широко и был в темной куртке и легкой суконной кепочке, не слишком подходящей для снежной погоды. Когда свет фонаря упал на него, стали видны резкие черты лица, холодный, недовольный прищур глаз и глубокие впадины на щеках, называемые в народе собачьими ямками.

– Станислав Иванович! – радостно в один голос крикнули Рюхин и опер Лямин.

Рюхин, собственно, ни минуты не сомневался, кто в Нетске самый лучший специалист сыска. Он лишь боялся, что Виталий Митрофанович обманет вдову Еськова и пришлет кого-нибудь другого, пожиже. Но видно, Хозяйка Медной горы особа и в самом деле влиятельная – сам Станислав Иванович Новиков, Железный Стас, прибыл разбираться с ее делом.

– Привет, – бросил Железный Стас коллегам. Радости в его голосе не было. – Что у вас тут, Артем? – осведомился он. – Какая-то баба позвонила Копылову и давай напрягать. Он мне сказал: ваша группа не справляется, Рюхин хамит, а дело особой важности. Правда

хамишь? Нет? Да сам знаю, ерунда все это, только баба, видно, очень крутая. Копылов и сам в гневе: давненько у нас в Нетске ВИПов не валили. Как по-твоему, заказ?

– Не похоже! – продолжал радоваться Рюхин, поднимаясь с майором на крыльцо и даже пытаясь попасть с ним в ногу. – Скорее бытовуха, Станислав Иванович. Осмотр местности показал, что в последние несколько часов никто посторонний не мог проникнуть на участок незамеченным. Значит, кто-то свой поработал, из тех, кто был в доме...

– Подозреваемые есть?

– Так точно. Я уже составил списочек. В нем пятнадцать человек.

Майор Новиков присвистнул.

Холл особняка поразил майора своей обширностью. «Как в театре», – решил он, что было странно. Дело в том, что майор Новиков не помнил уже, какой спектакль смотрел в последний раз – кажется, «Конька-Горбунка» в ТЮЗе (тогда Стасику было десять лет). Однако просторное помещение, скользкий паркет и какие-то резные штуки, глядящие из углов, вызвали у майора стойкие ассоциации с театральным фойе. Да и народу тут собралось много, и дамы были нарядные, в платьях с блестками.

Ради высокого гостя зажгли люстру. Ее хрустальные огоньки ослепительно передразнивал паркет. В ярком свете прекрасно видны были все шесть дверей, которые выходили в холл, камин, похожий на ворота, и чучело медведя с зонтиком.

Плотная дама в зеленом платье, стуча каблуками, двинулась навстречу Стасу. Кажется, она здесь командовала, но лучший специалист сыска не обратил на нее особого внимания. Он даже медведя почти не заметил. Зато его строгие глаза полезли на лоб, а складки лица сложились в изумленную гримасу, когда он увидел скромного человека в синем рабочем халате.

Человек этот стоял в сторонке, был сухощав, невозмутим и изжелта-бледен. Его лицо украшали английские усики, бывшие в моде в конце 70-х годов.

– Ба! И ты, Брут! – вскричал майор Новиков и бросился к желтолицему.

Тот заулыбался:

– Привет, Стас!

– Вот уж не думал, Колян, что буду встречать тебя при каждом сомнительном трупе! Ты что, нарочно такие дела подстраиваешь?

– Что вы этим хотите сказать? – вскрикнула за плечом майора дама в зеленом. Она на своих каблуках наконец-то до него добралась.

– Это не то, что вы думаете, – спокойно ответил майор.

Если Рюхин скисал под взглядом вдовы Еськова, то на майора такие штуки не действовали.

Стас Новиков, старый мизантроп и отчасти женоненавистник, и сам был не прочь выбить противника из седла. А уж жен застреленных состоятельных мужчин он и вовсе не жаловал. Еще мог поверить в их невиновность, но абсолютно не верил в их супружескую любовь и бескорыстие.

В любовь он не верил вообще. Ни в какую. Классические примеры этого высокого чувства, явленные в искусстве, он считал пустыми спецэффектами вроде пиротехники. Чего не выдумаешь на потеху публике! Должны же были всякие Шекспиры как-то зарабатывать на хлеб, когда не было футбола и КВНа. Как опытный оперативник, Стас признавал могущество секса, а также то, что товарищеская взаимопомощь и круговая порука в природе все-таки существуют. Но любовь... «Цензуру сейчас отменили, никто творцов не неволит. Ну и что? Вы в теперешнем кино видели героя, которого страстно любят бабы и который при этом не миллионер? Без машины, которая не помещается в кадре? Без дома размером со средний автовокзал? Не видели? То-то!» – говаривал Стас.

Последний раз майор пускал в ход эти аргументы, когда спорил с художницей Настей, женой того самого желтолицего человека, руку которого он так искренне и больно сейчас жал. Спор состоялся в начале лета – стало быть, друзья не виделись почти полгода.

– Что ты тут делаешь? – спросил Стас у друга.

– Халтурка подвернулась, – честно ответил тот.

– С криминальным довеском? И где ты только откапываешь такие халтурки!

– Я не нарочно!

Халтурщика этого, Николая Самоварова, Стас знал с ранней юности. Они вместе учились в школе милиции, вместе начали работать в уголовном розыске. Только Стас до сих пор ловил злодеев и стал даже знаменитостью в этом деле. А вот Самоварову с самого начала не повезло: во время одной из спецопераций его ранили так серьезно, что он года три лечился, сделался инвалидом и навсегда ушел из милиции.

Какое-то время он горевал, метался, но в конце концов пошел работать в местный музей. Там он стал реставратором мебели, поскольку с детства любил возиться с деревом, и неплохо это у него получалось.

В музее Самоваров быстро сделался всеобщим любимцем и отличным мастером. Он даже увлекся коллекционированием. Как-то в день рождения музейщики в шутку подарили ему самовар – по созвучию с фамилией. Самоваров не обиделся. Напротив, проникся горячим интересом к самоварам, стал их собирать, а потом перешел и на околичайные принадлежности – заварники, ситечки, щипчики для сахара, формочки для печенья, сливочки и прочую дребедень.

Эта коллекция и умиляла, и бесила Стаса. Все эти годы он оставался лучшим другом Самоварова. По его мнению, именно страсть к разной чайной мелюзге в конце концов привела к тому, что Самоваров женился на прелестной художнице Насте. Той самой Насте, которая горячо спорила со Стасом и уверяла, что любовь в природе вещей. Чтоб доказать это, она писала натюрморты, где в центре всегда красовался самовар.

Несколько раз майор Новиков наткнулся на Самоварова и по работе – тот имел особый дар вляпываться в странные истории. Скажем, когда в музее украли коллекцию древностей, дотошный реставратор не только выведal правду, но и преследовал похитителей. Поэтому жена Настя считала Самоварова великим сыщиком, которому судьба не дала раскрыться во всей красе.

Халтурки тоже доставались Самоварову с приключениями. Был он известным мастером; то и дело его приглашали реставрировать антиквариат для частных лиц. Да и сам он с блеском изготавливал всякие штуковины вроде еськовской готики. Эти работы давали верный доход. Однако в разгар халтуры нет-нет да случалось что-нибудь странное или огорчительное. Тогда на сцене появлялся Железный Стас. Майор даже вывел закон: если к делу каким-то боком причастен Самоваров, оно обязательно окажется трудным, запутанным, с какими-нибудь ненужными тонкостями психологического свойства.

Вот почему, встретив друга, майор и обрадовался, и насторожился. Неужто и тут, у Еськовых, все пойдет шиворот-навыворот? Не хотелось бы! Однако наличие Самоварова, глупый медведь в углу и список из пятнадцати подозреваемых ясно говорили Стасу: будет, будет, будет горячо!

Майор поднялся на второй этаж. Там работали эксперты. Майор порадовался, что, несмотря на дурную примету – встречу с Самоваровым, – все шло пока как обычно. Осмотр тела Еськова не показал ничего загадочного. Напротив, все было ясно как белый день: главу «Сибмасла» застрелили в упор в собственной спальне. Очевидно, он полулежал на кровати, получил пулю в лоб и откинулся на атласную подушку, марая ее кровью и мозгом. Пуля про-

била череп Еськова и ушла в мягкую набивку кровати, а стреляную гильзу нашли у стены на ковре.

Время убийства особых сомнений тоже не вызывало. Участники вечеринки дружно запомнили, что в 22.55 Еськов еще сидел внизу в столовой и громогласно разговаривал по мобильнику. Разговор у него шел с Челябинском, и подтвердить этот звонок у операторов связи проще простого. А вот в 23.25 Лундышев уже вызвал милицию.

На месте преступления Стас долго и недовольно озирался. Спальня супругов Еськовых была нарядна, как картинка, и выдержана в сладковатых розовых тонах. Хватало тут и лепнины, и позолоты, и пышных портьер с кистями и без. Все смотрелось очень славно, но Стас чувствовал: что-то с этой спальней не так. Настолько не так, что хочется сплюнуть через левое плечо. «Самоваров в доме, вот мне чертовщина и мерещится, – подумал Стас. – Нет, шалишь: не ощущать теперь надо, а работать!»

И он налег на работу, то есть стал с особым вниманием вглядываться в детали.

Но подходящих деталей как раз и не было! Вид нарядного помещения не говорил ни об отчаянной борьбе, ни даже о серьезной ссоре. Нехорошо это: человеку взяли и всадили пулю в лоб, а рядом хотя бы сдвинулся с места какой-нибудь столик или опрокинулась пустяковая вазочка. Неужто не было совсем никакой возни?

Наверное, не было. А главное, не таковы здесь были столики и вазочки! Все предметы в спальне оказались настолько массивными и устойчивыми, что лишь слоновье побоище смогло бы сдвинуть их с места. Стас пригляделся к мебели и с ужасом понял, что все в этой спальне много крупнее и толще обыкновенного размера. Так вот где собака зарыта!

Объяснение этой странности было простым. Итальянский дизайнер, как позже узнал Стас от Самоварова, спроектировал этот интерьер специально для богача из далекой России. Воображение южанина рисовало заказчиков людьми неестественно больших размеров. Отчасти виноват был в этом сам Александр Григорьевич, который ездил в Италию лично утверждать эскизы. Он так быстро и обильно упоил дизайнера водкой и окормил икрой, что у того с непривычки поехала крыша. На время поехала, но основательно! Господин Еськов стал видиться ему странно громадным, подпирающим макушкой потолок. Чем больше пил и ел дизайнер, тем сильнее разрастался и распухал в его сознании образ русского исполина.

На другой день, проспавшись, итальянец первым делом увеличил размеры всех спроектированных объектов ровно в два раза. От этого у него полегчало на душе, и голова стала болеть меньше.

Мебель для Еськовых вышла на славу. Кровать для спальни сделали площадью с приличную комнату – примерно в такой, единственной, обитал в малосемейке майор Новиков. Когда эту кровать привезли в Суржево, она не лезла ни в двери, ни в окна. Чтоб утвердить ее посреди спальни, пришлось разбирать стену. Подушки на кровати были чудовищно большие, белое покрывало простиралось бесконечно, как заснеженное поле.

Но даже на такой кровати фигура покойного хозяина «Сибмасла» не казалась ни мелкой, ни незначительной.

Стас никогда не встречался с Еськовым, только видел его снимки в местных газетах. Ничего особенного в этих снимках не было – наверное, владелец йогуртной империи не отличался фотогеничностью. Но наяву даже труп его был величав и импозантен. Тело в светлом, майонезного оттенка костюме, в туфлях тончайшей кожи, в изысканном галстуке ужасало неподвижностью. Однако оно не было безобразно, несмотря на крутой холм пивного живота. От фигуры покойного веяло былинной мощью. Лицо Еськова было крупно, одутловато, значительно. Оно поросло золотой с проседью трехдневной бородкой. Волосы у Еськова тоже золотились и, должно быть, начали редеть, поскольку стригся он очень коротко. Эта стрижка, бородка и могучая, шире лица, шея придавали облику покойного нечто гладиат

торское. На его толстых пальцах туго сидели золотые перстни, рукава рубашки скреплялись не вульгарными пуговками, а тяжелыми золотыми запонками.

– М-да, солидный был дядя, – пробормотал Стас. – А пистолетик-то точно его? Мелковат для такой лапы!

– По словам домашних, это пистолет из коллекции господина Еськова, – подтвердил эксперт Емельянов.

Он как раз снимал отпечатки пальцев с богатырской мебели.

– Так дядя был еще и собирателем пушек? – спросил майор.

– Еще каким! Коллекция здесь рядом, в кабинете. Наш пистолет взят из нижнего ящика шкафа-сейфа. Его кто-то открыл ключом – следов взлома нет. Ключа, кстати, тоже. Он хранился в столе покойного, но сейчас там пусто. Отпечатки с сейфа я снял. Последние – ясные, мужские, крупные – похоже, самого хозяина.

– А тут что-нибудь есть интересное?

– Кой-какой мусор завалился, проверим. Но вообще дело сработано чисто. Аккуратный душегуб! И пистолетик очень интересный.

– Да, нерядовая вещь.

Стас мрачно уставился на плоский тупоносый пистолет размером с ладонь. Оружие, погубившее Еськова, имело щегольской вид. Оно блистало никелем, а щечки рукоятки были даже отделаны перламутром. Игрушка, а не пистолет!

– Как думаешь, это подлинная вещица или новодел? – спросил Стас Емельянова. Тот любил старое оружие и неплохо в нем разбирался.

Емельянов покачал головой:

– Шутите, Станислав Иванович? У господина Еськова в коллекции все самое настоящее. И многое в превосходном состоянии, то есть в рабочем. Этот экземпляр не исключение. Кстати, расстрелян только один из шести патронов.

Хладнокровный был убийца – лишь раз выстрелил.

– Зато наверняка, – заметил Стас, разглядывая пистолет.

Наконец он решился высказать предположение:

– Так что же это за ретро такое? Браунинг?

– Ага, – подтвердил Емельянов. – Образца 1906 года. Правда, потом они долго еще выпускались. Очень распространенная была штука! Фанни Каплан из похожего браунинга в Ленина стреляла – только, думаю, ее пушка была без перламутра и прочих мулек.

– Значит, мы имеем редкий художественный образец?

– В Нетске я таких еще не видел. Обычные, офицерские, попадались. Но вообще-то удивляться особо нечему – модель, можно сказать, массовая. Раньше-то оружие все, кому не лень, покупали, без всякого разрешения, даже по почте выписывали – не то что сейчас. И знаете, как такие маленькие пистолетики назывались? Жилеточные. Или «пистолет в носке». Для само обороны их брали – оружие последнего шанса. И еще одно название было – дамский браунинг.

– А калибр у дамского какой? – спросил Стас.

– Всего 6,35 миллиметра. Зато бьет отменно, и дырочка выходит аккуратненькая. Такие браунинги считались оружием самоубийц. Если из чего другого вздумаешь стреляться, башку разнесет в капусту, а тут картинка выходит благородная: покойник довольно мило смотрится в гробу.

Стас оглянулся на величавое тело Еськова:

– Согласен, картинка не самая отвратная из тех, какие я видел. Только никакое это не самоубийство. Как думаешь, Олег, почему убийца таким раритетом воспользовался?

Емельянов пожал плечами:

– Не знаю. Может, браунинг просто первым под руку попался? Все-таки он в хорошем состоянии, патроны к нему имеются. Легкий, простенький, компактный. Да черт его знает! Я-то бы уж скорее маузер взял, как-то это больше по-мужски. В старину дамы обычно бывали браунингистки, а господа – маузеристы. Вы, Станислав Иванович, сходите и поглядите, какие там в ящике есть дивные маузеры! Конечно, это не коллекция Черчилля, но очень, очень впечатляет.

Стас вздохнул:

– Ладно, пойду оценю собрание пушек.

Вообще-то Стас с подозрением относился к коллекционерам: если человек способен предаться какой-то навязчивой страсти, значит, он упорен, узок и странен. Вот и чайники Самоварова вызывали у майора тревогу. Что до собирания оружия, то такая забава прямо ведет к беде, и застреленный господин Еськов это доказал.

Стас прошел в кабинет покойного. После розовых выпуклостей и золоченых завитков спальни это помещение пугало своей суровостью. Оно было решено в рижском стиле: стены обложены диким камнем. Стасу кое-где почудились даже лишайники, какие обычно заводятся на валунах. Пол тоже здесь был каменный, мебель топорная, на стенах развешаны сабли и шашки. С потолка низко свисал кованый фонарь грубой работы. Приглядевшись, Стас понял, что настольная лампа на хозяйском столе тоже кованая (сначала сыщик принял ее за ведро, забытое уборщицей).

Коллекция оружия хранилась у Еськова в особом, угрожающего вида шкафу-сейфе. Поскольку Емельянов тут уже поработал и отпечатки снял, Стас смело тронул верхний ящик. Шкаф был обшит неструганым деревом и обещал насадить заноз, однако ящик выдвинулся с поразительной легкостью. Увидев его содержимое, Стас ахнул: в зеленых бархатных ямках, достойных бриллиантовых коле, покоились исторические редкости. Сыщик с трудом узнал немецкий люгер. Экзотические «Уэбли Марк У1» и «Энфилд № 2 Марк-1» времен Первой мировой войны он видел первый раз в жизни. Если б не любовно прилаженные к каждому экспонату этикетки, майор и не разобрался бы, что за диковины перед ним.

Где, интересно, Еськов все это достал? Клад колчаковских времен? Ага, вот и маузеры, пленившие беднягу Емельянова, – один постарше, в крепкой дубовой кобуре, другой сам по себе, предвоенный маузер-боло. Вроде бы такие специально делались для большевиков? А это, оказывается, девятимиллиметровый «хай пауэр». И конечно, неизбежный ТТ имеется...

Сурово!

Впрочем, оружие, из которого был застрелен Еськов, относилось к мелочи, к историческим курьезам. Таковые хранились в нижнем ящике шкафа с наклейкой «браунинги». Одна из заглубленных ячеек была пуста и очертаниями смутно напоминала перламутровый пистолетик, которым завладел теперь эксперт Емельянов. Тут же была коробка маленьких длинных патронов.

Майор удивился: убийца выбрал самый миниатюрный и легкий пистолет из всех, что были в коллекции. Это важно? Или нет? Пока неясно... Многие еськовские редкости не имели боеприпасов – красивые игрушки, и только. Но иные были в рабочем состоянии. Тогда почему бы не взять надежный банальный ТТ или «макаров»? Они тоже у Еськова имеются. Конечно, маленькую штучку легко припрятать – как там говорил Емельянов – в жилетку, в носок? Потом достать в нужный момент и...

Майор вышел из кабинета.

– Артем! – позвал он следователя. – Пусть эксперты здесь заканчивают, а нам бы найти какое-нибудь не слишком пафосное помещение. Посидим там, потолкуем о твоих пятнадцати подозреваемых. Черт, и где ты их столько набрал? Футбольная команда с запасными!

Рюхин пропустил насмешку мимо ушей.

– Вообще-то в нормальных домах на кухнях хорошо сидится, – сказал он как ни в чем не бывало. – И столы там всегда есть удобные для прото кола. Но тут не кухня, а целый спортзал. Не люблю я больших помещений – для допроса нужен некий интим. Может, лучше спустимся в подвал? Там спокойнее. Я у декоратора Супруна план дома взял. Вот смотрите, возле сауны рядом с калянной есть так называемая диванная. Неплохое помещение: восточный стиль, обставлено тахтами.

– Вам, прокурорским, только бы задницу помягче устроить, – хмыкнул Стас. – Ладно, пошли в твою диванную. Посмотрим, что у тебя за подозреваемые. Потолкуем с каждым, определимся, кого задержать стоит, – и бай-бай, поедем.

Рюхин с майором спустились в подвальный этаж. Диванная оказалась не такой уютной, как расписывал ее следователь, – еськовский размах ощущался и здесь. Однако высота потолков была не заоблачной, как наверху, а на турецких диванах могло разместиться человек двадцать, никак не более.

Стас раскинулся на диване в вольной султанской позе. Вообще-то лежать он не собирався, но сидеть на восточных подушках у него никак не получалось. Рюхин примостился рядом. Он положил на невысокий столик, предназначенный, должно быть, для рахат-лукума, свою папку. Была она внушительной, угрожающе черной и придаваламоложавому следователю солидности.

Из папки Рюхин достал большой блокнот и несколько разрозненных листков.

– Итак, в доме на момент убийства присутствовало, исключая жертву, пятнадцать человек, – начал он официальным голосом. – Пока все говорят, что ничего не видели и не слышали, но алиби ни у кого не установлено. Вот эти граждане.

Он стал читать с листка, добавляя собственные скупые комментарии:

– Начнем с членов семьи. Итак:

1. Еськова Галина Павловна, жена (это она на меня Виталию Митрофановичу накапала).

2. Сын Еськов Александр Александрович – Еськов-джуниор, так сказать. Студент третьего курса юридической академии.

Дальше идут домочадцы Еськова.

3. Экономка – или домработница, это как вам больше нравится, – Зинаида Анатольевна Климова. Кстати, родственница Еськовой, сколько-то-там-юродная сестра. Переехала сюда из Ушуйска семь лет назад. Живет в доме.

4. Здесь же проживает Жебелев Аристарх Константинович, родной племянник Климовой, сын ее сестры. Стало быть, и Еськовой он тоже приходится родственником. Климова воспитывала Жебелева с пяти лет. Жебелев говорит, что здесь он арт-директор, но разве в хозяйстве нужна такая специальность?

5. Охранник Иванов Сергей Владимирович. Он же дворник, он же электрик. Бывший морпех, на вид простой парень, родом из деревни Кривцово Новопесковского района. Зарегистрирован и живет здесь, в доме.

Больше в особняке никто постоянно не проживает – уборщицы, слесарь, ландшафтный дизайнер приходящие.

А вот и гости покойного. Все они из его фирмы «Сибмасло».

6. Компаньон и заместитель Еськова Лундышев Андрей Викторович (это он милицию вызвал).

7. Главный бухгалтер «Сибмасла» Алла Федоровна Никитина (толстая дама в розовом).

8. Ажгирей Любовь Олеговна, старший специалист отдела продаж. Эта помоложе, в короткой юбочке.

У сына Еськова тоже сегодня гости, студенты-однотруппники. Вот они:

9. Плаксин Данила Андреевич...

Рюхин прервал чтение на полуслове, потому что наверху, прямо над его головой, раздался разнородный топот, мужские крики и одинокий женский визг.

– Что там еще такое? – удивился Стас.

Он с трудом, несколько раз опрокинувшись на спину, выбрался из мягкости дивана. Рюхин через две ступеньки уже бежал вверх по лестнице.

Когда сыщики достигли холла, суматоха уже улеглась. Никто не кричал. Гости Еськовых, как им и было велено, сидели рядом в сторонке, под огромным пейзажем. Члены семьи удалились в столовую с елкой. Слабый шум доносился теперь со второго этажа.

Причина паники оказалась пустячной – в машину грузили тело хозяина дома, чтобы отправить в морг. Этим воспользовался подлец Мамай (охранник, жалая, освободил его из вольера). Пес проделал свой обычный трюк: воспользовался заминкой в дверях и ворвался в дом, где, по его мнению, было его настоящее место.

Обычно Мамаю не удавалось проникнуть дальше холла. Но тут общая оторопь и присутствие посторонних сыграли псу на руку (или на лапу?). Он в три прыжка одолел холл, добрался до парадной лестницы, вбежал в хозяйскую спальню и затаился под безбрежной итальянской кроватью. Теперь его вытаскивали оттуда охранник Серега и хозяйский сын. Мамай выл и упирался.

– Ужас какой, – то и дело повторяла шепотом Люба Ажгирей, специалист по продажам. Она робко пряталась за пухлую спину бухгалтерши Никитиной и время от времени принималась плакать.

Вскоре Мамай был укрощен – ему принесли с кухни бифштекс. Нарушителя с позором свел с лестницы Серега. Участковый, сочувствуя, предложил свои услуги, если пса надо пристрелить. Однако Мамаю пока оставили в живых, только вытолкали на свежий воздух и порошу.

– Дурдом какой-то! Невозможно работать, – проворчал Железный Стас.

Он жалел, что покинул диван и бегал по лестнице. От этого усилия ему страшно захотелось спать. Что за бестолковая ночь!

– Давай, Артем, заканчивай свой список, – потребовал майор, вернувшись в диванную и приняв вынужденную позу восточной неги. – Только быстрее, без подробностей! Пора опрашивать эту толпу. Не ночевать же здесь!

В глубине души майор надеялся, что сможет сегодня попасть домой и отдохнуть. Только бы добрести до своего спартанского ложа на старой диван-кроватьи, только бы дождаться той минуты, когда можно будет провалиться в кромешный, без сновидений, сон. Верный кот Рыжий тогда устроится рядом, будет греть ногу майора своим жестким ребристым боком и сурово вздыхать во сне...

Майор отмахнулся от желанной картины. Вряд ли удастся скоро заснуть – слишком уж серьезное выходит дело. Застреленный бизнесмен, душевно-настоятельная просьба начальства, пятнадцать подозреваемых... Да еще и Самоваров тут! Не к добру все это.

– Продолжаю, – вздохнул Рюхин. – Итак...

9. Плаксин Данила Андреевич и 10. Николаева Алиса Александровна – друзья хозяйского сына, студенты-юристы. Ничего особенного.

Еще были в доме друзья Аристарха Жебелева. Они с телевидения, якобы клип тут снимали на фоне роскоши. Этих двое:

11. Можжин Дмитрий Сергеевич, режиссер и оператор, – вы, наверное, по телевизору эту фамилию часто слышали.

12. Пел Стрекавин Игорь Петрович, бард. Гитара у него, во всяком случае, имеется. Кажется, настоящая.

Ну и последняя группа – художники из бильярдной (она тут рядом с нами, тоже в подвале).

13. Супрун Антон Кириллович, дизайнер, молодой пацан.

14. Георгий Степанович Алявдин – наоборот, в годах. Он рисует картинки на стенах.

15. Николай Алексеевич Самоваров. Работал по дереву, какую-ту резьбу приколачивал.

Вот и все!

Рюхин отложил бумагу и вопросительно посмотрел на Стаса. Тот ни минуты не раздумывал:

– Начнем мы прямо с номера пятнадцать – с Самоварова Николая Алексеевича. Я давно хотел его повидать!

Глава 3

Бригада из подвала

– Вечно встречаемся у неостывших тел, – попенял Самоваров другу. – Забегал бы ты почаще ко мне в музей, как в былые времена. Помнишь, как чаи гоняли? Кстати, сейчас чаю не хочешь?

– Что, у тебя и здесь есть?

– А то! Походный, правда, вариант, зато вода отличная, артезианская – другой в этом доме в рот не берут. Так давай сообразим! Освежи мозги, я смотрю, у тебя глазки что-то слишком маленькие, сонные.

Среди друзей Самоваров славился не только чайной коллекцией, но и умением как-то по-особенному, необыкновенно вкусно заваривать чай. Стас задумался. Почему бы и не хлебнуть чайку? Самоваров уверяет, что на хозяйской кухне предложат только кофе, а кофе, по его мнению, слишком возбуждает к ночи. Зато чай придает необыкновенную ясность уму, несколько его не тормозит. Зимой кофе, отрада жарких стран, вообще не в масть!

Майор и следователь согласились. В самом деле, после чая ночная досада прошла, даже работать захотелось.

– Сейчас мы с Артемом здешний народ начнем опрашивать, – сказал Стас Самоварову. – Колян, честно признайся, что в этой семейке не так?

– С чего ты взял?

– Не знаю. Странного много. По-моему, какая-то специальная подлянка тут заложена.

Самоваров удивленно поднял брови.

– У меня дурацкое чувство, что мы все участвуем в какой-то пьесе, – пояснил майор. – Или в фильме. Ну, сам знаешь эти английские штучки – труп на парчовом одеяле и поместье по крышу в снегу. Никто сюда снаружи проникнуть не мог, стало быть, убийца кто-то из своих, в доме сидит. И обстановочка, как назло, подходящая – мебель в завитушках, камин, картины, картонки, прислуга в чепчике. Так в жизни не бывает!

– А еще дамы в бриллиантах, – подсказал Рюхин, вспомнив Хозяйку Медной горы.

– И дамы тоже, – согласился Стас, – и господа. Ерунда какая-то! По характеристике жертвы судя, это должна быть типичная заказуха. Еськов крутой бизнесмен, известная в городе личность – такой явно многим насолил. Но киллера я тут не вижу! Из всех присутствующих только тебе, Колян, я доверил бы завалить Еськова. Да разве кто-то знает тебя так же хорошо, как я?

– Не согласен! Охранник тоже парень на вид боевой, – вставил Рюхин.

– Он и оружие выбрал бы посерьезнее, не эту фитюльку! И потом, место преступления ему не подходит. Кто-то да заметил бы, что эта орясина в валенках тащится в спальню. Чем бы он хозяина туда заманил? Нетрадиционной ориентацией? Черт знает что!

– Почему? – не согласился Рюхин. – Эта версия тоже имеет право на существование. А что? Киллер-гей...

– Артем, не смейся! Сам знаешь, как заказуха выглядит. Заказуха – это снайпер, это людное место, куда всякому есть доступ, это машина из угона, на которой убийца легко скрыться. Это выстрел у подъезда. В подъезде, наконец. А тут что? Музыка, елка, танцы-шманцы, певец с гитаркой. Все друг другу приятели и родственники! Прямо Санта-Барбара какая-то. Сам-то ты, Колян, не слышал выстрела около одиннадцати?

– Представь себе, нет, – огорченно признался Самоваров. – Я как раз работал. Молотком! Шуму и без меня хватало – хозяйский сын фейерверк устроил. Даже стены тряслись!

Потом и Тошик, наш дизайнер, к нему подался. Короче, веселились ребята. Надо признаться, время для выстрела было выбрано очень удачно.

– Это надо взять на заметку. Что, такие фейерверки здесь каждый день? В один и тот же час? – встрепенулся Артем Рюхин.

Самоваров понял его с полуслова:

– Думаете, убийство специально спланировали? Под сегодняшний вечерний грохот? Вряд ли. Огненные утехы тут начинаются, когда в голову Еськову-младшему ударит дурь. Такой волшебный момент никому уловить не под силу. Этот оболтус и дома-то не каждый вечер бывает – больше тусуется по клубам. Даже не знаю, чего это сегодня его так рано принесло.

– И это стоит отметить, – обрадовался Рюхин и записал что-то в своем пугающем блокноте. – Зачем вдруг сюда приехал этот сын?

– Он тут живет, – напомнил Самоваров.

– Действительно... Но все равно сына сбрасывать со счетов не будем. Знаете, тут главное мотив установить. Подобные убийства обычно совершаются из-за денег. Если это не заказ конкурентов и не происки компаньонов, то надо работать с наследниками. Вот и вырисовываются три версии. Первая...

– Все версии будем проверять одновременно! – отрезал майор Новиков. – Сейчас главное – установить, кто в очень короткий промежуток времени – с 22.40 до 23.16 – мог подняться в эту чертову спальню. И зачем туда пошел сам покойный? Быть не может, чтоб никто ничего не видел и не знал!

Рюхин покачал головой:

– Все говорят, что ничего не видели, – думаю, не хотят связываться со следствием. Но это пока! Стоит только про кого-то одного узнать, что он отлучался и, возможно, именно туда, куда не надо, как он сразу начнет защищаться. Тут же про другого вспомнит, а тот с перепугу про третьего – и пойдет мотаться клубочек. Принцип домино очень часто срывается в таких многофигурных ситуациях!

– Ладно, теоретик, поглядим, – согласился майор. – А пока запиши показания гражданина Самоварова.

Самоваров почти продиктовал:

– Я был в бильярдной. Один. На часы не глядел, но время я чувствую отлично. Еще подумал: «Уже одиннадцать, а у меня и конь не валялся». К утру я должен смонтировать все панели, а тут толкотня, суета. Вот почему я обрадовался, когда мои товарищи-художники разбежались кто куда: Тошик Супрун пошел с младшим Еськовым хлопушки пускать, а Алявдин – в каморку к охраннику.

– Зачем? – спросил Рюхин.

– Выпить, наверное. Если так все и было, эти четверо могут друг другу подтвердить алиби. Зато меня как раз никто и не видел – разве что стук молотка слышали. Так что я имел возможность отлучиться и совершить убийство. А вот мотив... К чему мне смерть Еськова? Панели для бильярдной я закончил, только одну и осталось смонтировать.

– Может, вы недовольны вознаграждением? – с надеждой спросил Рюхин.

Стас только махнул рукой:

– Ладно, Колян, спасибо! У нас тут еще целая толпа подозреваемых, на всю ночь хватит.

– С родственников начнем? – спросил Рюхин, листая свой блокнот.

– Родственники – это само собой. Но у нас тут рядом сидят художники, вся эта компания из подвала. Коля говорит, они вечером друг с дружкой общались. Давай-ка быстренько у них алиби проверим!

Первым из творческих работников был вызван в диванную Серега Иванов. Охранник-дворник был скромненький, послушен, толково отвечал на все вопросы. Цвет лица был у него

невинный, пунцовый. Правда, от понятного волнения Серега то и дело сбивался на ненормативную лексику. Сам он этого не замечал.

– Когда бабы закричали, я снег этот е...й убирал. Я уже говорил про это сто раз, – стоял на своем Серега. – А перед тем со Степанычем у себя сидел – замерз, как хрен собачий.

– Чего замерз-то? – делано удивился Рюхин.

– Так целый день на дворе! Ё...й снег этот валит и валит, а хозяевам выезжать завтра. Заметет дорогу на х..., потом х... расчистишь. Сегодня еще гостей наперло, дорожку им надо подъездную. Как с цепи снег сорвался – целый день...ярит и...ярит. Я скребу, как б...! Мартышкин труд! За ночь все равно навалит до х... Вот б...ая погодка!

– Во сколько вы ходили греться и виделись с Алявдиным?

– Со Степанычем? Не знаю. Снег...ячит и...ячит, некогда на часы глядеть. Зашел погреться, а тут Степаныч заглянул. Рассказал мне, как его все уважали – и раньше в обкоме, и потом в мэрии нашей е...ой. Ему сама Пугачева руку на х... жала, не помню только зачем. Бывалый он человек!

– Вы долго с ним сидели?

– Я на часы не глядел. Согрелся и во двор по...ярил.

– Согрелся чем? – потребовал уточнить Рюхин.

– Тем же, чем и вы, – заявил Серега, смерив следователя кротким взглядом. – Выпили маленько. Много пить мне по моему е...му контракту не положено, не то выпрут на х... как миленького. Я пошел снег этот б...кий скрести, а Степаныч у меня остался. Прикорнул он на диванчике – устал. Человек он уважаемый, в летах, а квасит, как вол, день и ночь. Сморило его на х... А я пошел.

– Кого вы видели во дворе? – продолжал допытываться Рюхин.

– С утра?

– Нет, когда выпили с гражданином Алявдиным и отправились скрести снег.

– Тогда на дворе только Саня был, сын хозяйский. Он свои е...ые петарды пускал. Я ему специально и дорожку на газоне расчистил, чтоб близко к дому, б..., не подходил, окна чтоб на х... не вышиб. Приглядывал маленько за ним, чтоб руки ему не поотрывало на х... Он у нас...дак недоделанный. Ну, я еще и снег этот е...й скреб. Намело на х...!

– Он один был, Саня этот? – намекнул Рюхин.

– Сначала один, потом художник на х... вышел. Тошка, пацан этот. Вдвоем они петарды...ярили. Дом чуть не рухнул на х... Потом Саня на х... замерз, домой пошел, а пацан этот, Тошка, еще пару хлопушек за...ярил.

– Когда это было? Когда Саня ушел?

– Вечером, – невозмутимо ответил Серега.

Рюхин даже застонал от досады.

– Я на часы не глядел, – пояснил Серега, вздыхая. – Снег этот е...й все...ярил и...ярил, а я скреб. Потом наверху закричали. Долго кричали. Я скреб. Потом побежал в дом. За мной пацан этот, художник.

– Ты этим вечером в спальню к хозяевам не поднимался? Когда гости в столовой сидели? – строго спросил Рюхин.

– В смысле? Чего я у них в спальне на х... забыл? Гости же сегодня – кто б меня туда в валенках моих е...х пустил? Я как эти е...е валенки с утра нахреначил, так и не разувался на х... Снег, б..., весь день...ярит!

– Вот тебе и алиби, – поучающе заметил следователю майор Новиков. – Сынок-то хозяйский со двора ушел еще до криков! И неизвестно, где живописец Алявдин пребывал все это время. Вдруг не спал? Что он сам скажет?

* * *

Живописец Алявдин очень хорошо помнил, чем он занимался в нужное сыщикам время. Этот немолодой человек с помятым лицом, в странном, забрызганном радужными красками одеянии, ни минуты не раздумывал над ответами.

– Спал я, – уверенно сказал он. – У Сереги спал на топчанчике. Выпили чуток, и меня сморило. Умаялся я, как папа Карло. Аврал, чего хотите? Вынь им все завтра да положь. Но разве творческое сознание подчиняется приказу? Оно свободно! Даже когда я расписывал здание Дворца бывшего просвещения...

– Вы помните, в какое именно время заснули? – перебил его Рюхин.

– Ну и вопросы у вас, господин следователь! Где вы такого идиота видели, чтоб отключился и тут же на часы поглядел – вот, мол, храплю как раз вовремя. Не смотрел я на часы! Не смотрел! Да у меня их и нету уже лет пятнадцать. К чему? Я не кормящая мать, чтоб по часам жить. Я свободный художник! Когда я расписывал особняк начальника Нетской таможни Бударагина, который сейчас сидит...

– И сколько же вы проспали?

– Что я, считал про себя, что ли? – усмехнулся Георгий Степанович, наморщив длинный нос с пятном голубой краски на кончике. – Да и не спал я по-хорошему – так, подремывал. Заснешь тут, когда Колька за стеной молотком своим лупит. Надоел хуже горькой редьки! Тук да тук, да во дворе еще хозяйский сын-придурок что-то взрывает. Разве это условия для творчества? Вот когда я...

– Когда сверху послышались крики, взрывы во дворе еще продолжались?

– А черт их знает! Я же задремал. Как раз тут покойный Кольванов мне снится начал. Пришел будто он в правление Союза художников с Колькиным молотком и давай там по чернильницам бить – тук-тук-тук. А чернильницы крепкие, непроливашки – не даются. Он снова тук-тук-тук, а я...

– Значит, стук молотка вы все-таки слышали?

– Поминутно! Не знаю никого зануднее Самоварова.

Артем Рюхин наклонился к майору и прошептал:

– Это косвенно подтверждает алиби специалиста по дереву...

– Иди ты! Сам дерево, – огрызнулся майор. – Это и так ясно. Вообще вся эта шушера из подвала мне уже надоела. Я не Самоварова имею в виду, Самоваров мне друг! Но нечего нам тут ловить. Мотивы у художников какие? Ничего серьезного. Нет, ты ищи, кому выгодно!

– Ближайшим родственникам, кому же еще, – быстро и четко ответил Рюхин. – И не только!

Когда мы бизнес Еськова получше узнаем, наверняка и там чего-нибудь нароем.

– То-то! Чтобы уж тут, в подвале, со всеми покончить, давай сюда кучерявого дизайнера, который с сыном Еськова был на улице.

– Здравствуйте, Станислав Иванович! – радостно поздоровался Тошик Супрун.

С тех пор как Стас видел его последний раз, Тошик изменился мало. Кажется, он еще больше помолодел – те же бархатные щеки, та же милота, те же глаза-вишни. Пятен красок, как у Алявдина, на нем не замечалось, напротив, одет он был небрежно, но со вкусом. Например, на шее у него болтался длинный шарф неясного цвета, как бы немного слежавшийся и трепаный. Однако за версту было ясно, что шарф этот не обносок, а дорогая и стильная вещь.

– Тоже, значит, Антон, в бильярдной работаешь? – задумчиво спросил майор, разглядывая шарф.

– Я текстилем сегодня занимался, – пояснил Тошик. – И вообще весь проект мой.

– Широко шагаешь! Но меня интересует другое: около одиннадцати или чуть позже ты где был?

Тошик обрадовался вопросу.

– Я как раз ровно в одиннадцать во двор вышел, – сказал он. – Ровно-ровно!

– На часы, что ли, глядел?

– Нет! То есть да... То есть не глядел... Тут в холле – вы, может, заметили – стоят большие часы, антикварные, напольные, на шкаф они еще похожи. Швейцария, девятнадцатый век. Довольно аляповатая вещь, но стопроцентно старая, без дураков. Николай Алексеевич, наш Самоваров, эти часы отреставрировал и наладил. Теперь они отлично идут да еще и бьют каждые полчаса. Голос у них очень противный, гундосый, но время они показывают точно и бьют, когда надо. Я шел к Саньке во двор, и как раз эти часы били. Одиннадцать раз!

– Считал?

– Нет, – сознался Тошик. – Но я, Станислав Иванович, точно знаю, что было тогда не десять и не двенадцать. А в полчаса они бьют один только раз, и все. Тут же долго били, ни с чем не спутаешь!

– Ладно, били так били. Что ты увидел во дворе?

– Там Санька петарды пускал, но он уже замерз и сразу в дом пошел. А я еще две штуки сам поджег – «Багратиона» и «Ночь в Крыму». Когда эта «Ночь» уже клубы пустила – там после огня эффект задымления предусмотрен, – здешний охранник...

– Там еще и охранник присутствовал? – спросил Рюхин.

– Ну да! Он снег возле гаража подгробал. Охранник мне и говорит: «Чего-то в доме кричат». – «Так вечеринка у хозяев», – говорю. А он: «Кричат не так, когда просто выпьют. Совсем дурные какие-то голоса». Я прислушался – точно, дурные. Вопили как резаные – женщины и даже мужик какой-то. «Пойди глянь, что там?» – говорит охранник. «Сам пойдешь, мне неинтересно», – отвечаю. Он: «Я не могу туда лезть в валенках и вообще когда не зовут». – «А сейчас возьми да сходи! Может, они поубивали там друг друга, – говорю, – или пожар начался». Охранник парень дубоватый, но наконец перепугался и побежал в дом. А я за ним – крымский дым уже почти весь рассеялся, не на что смотреть.

– Сына Еськова во дворе в это время не было?

– Он же раньше греться пошел, почти сразу, как только я...

Тошик вдруг смолк: на лестнице, ведущей в подвальный этаж, оглушительно застучали каблуки. Раздался знакомый резкий голос:

– Где же этот хваленый специалист? Виталий Митрофанович обещал работника высшей квалификации! И что же? До сих пор ничего не сделано, преступник на свободе, в доме все вверх дном. Когда будут арестованы эти подозрительные типы с телевидения? Их никто не звал, а они сидят здесь и уже еды себе требовали. Они не могут находиться в частном доме без санкции прокурора!

Все это Галина Павловна Еськова выкрикивала, блуждая по подвалу и заглядывая наугад во все двери. Сначала она наткнулась на Серегу, который вытянулся перед ней по стойке «смирно», потом на Алявдина, прикорнувшего в кальянной (живописец смекнул, что из-за убийства аврал в бильярдной отменяется и потому свободный художник может все сроки послать к черту). Один Самоваров все еще корпел над своими деревяшками: он хотел поскорее домой, к жене.

Наконец Галина Павловна добралась до диванной.

– Вот вы где! – воскликнула она в сердцах. – До каких это пор...

Она успела уже поплакать и вытереть слезы, но нисколько при этом не походила на обычную вдову, подавленную и разбитую горем, каких множество повидали и майор, и Рюхин. Не была она и равнодушной – нечто трагическое в ней все-таки чувствовалось. Сейчас она как никогда напоминала Хозяйку Медной горы. Сходство было тем разительнее,

что Галина Павловна и не подумала сменить свои зеленые чешуи на что-нибудь домашнее, скромное, подобающее случаю. Не вынула она из ушей длинных своих серег и не сошла с высоких каблуков, которые заглушали стуком самоваровский молоток.

На следователя с майором она накинулась по-хозяйски, выкатив глаза и оттопырив нижнюю губу, небрежно подкрашенную малиновым. Но майор Новиков за долгие годы в уголовном розыске навиделся всяких дам. Встречал и таких – царственно-властных. Он терпеть не мог, когда на него бесцеремонно наезжали.

– Здесь проводятся следственные мероприятия, так что попрошу не мешать. Чего вы хотели? – спросил он жестяным голосом, от которого мороз шел по коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.